

Зоя Копельман

Опыт дешифровки одного сказочного рассказа Ш.Й. Агнона

Сказочный, неправдоподобный рассказ Агнона «Об одном камне» вызывает у неискушенного читателя недоумение: что это? Агнон, похоже, пишет о себе, по крайней мере, так следует из включения этого рассказа в цикл «В шатре моего дома», куда вошли короткие рассказы о деде и прабабке писателя, членах его семьи в прежних поколениях, а также о нем самом – в детстве («Птица моя», «Молитвенник моего детства», «Две пары тфиллин», «Платок»¹), в юности «В лесу и в городе», «Об одном камне») и во взрослом возрасте («Прах Земли Израиля»², «Я и мое сердце»). С другой стороны, рассказ «Об одном камне» рассказывает кое-что о хасидах и отчасти сам напоминает хасидскую историю.

Мне рассказ «Об одном камне» представляется весьма характерным для зрелого Агнона, шифрующего смыслы своих произведений с помощью подтекстов. Агнон может цитировать источники, намекать на них и переиначивать их по-своему в угоду собственному литературному замыслу. Попробую с помощью оставшихся за текстом рассказа источников расшифровать его смысл и показать, что это рассказ об инициации героя: Агнон сочинил рассказ о том, как его автобиографический герой выдержал испытание Небес и был принят в сонм избранных народа Израиля. На мой взгляд, это своеобразная еврейская версия рассказа о юном Артуре, который сумел вытащить меч из камня и так выдержал уготованное ему Мерлином испытание, сделавшее его королем Англии (Т. Мэлори «Смерть Артура»). А жаждавший стать писателем юный герой Агнона выдержал экзамен на творчество, поскольку убедился, что его сочинения приняты Небом, подобно святым книгам еврейской традиции.

* * *

Как известно, еще в Германии, до рокового пожара (1913–1921), Агнон вместе с Мартином Бубером работал над собранием хасидских историй. Сгоревшие рукописи и расхождения с Бубером во взглядах на хасидизм³, вынудили Агнона на много лет отложить работу, но все-таки в его архиве осталась папка с заготовками «Рассказов о Бааль-Шем-Тове», которая вышла книгой после смерти писателя. Издание было осуществлено душеприказчицей Агнона – его дочерью Эмуной Ярон вместе с мужем Хаимом. В послесловии к книге публикаторы пишут:

«Учение хасидизма и хасидские рассказы привлекали внимание нашего отца еще в юности. Множество таких рассказов были известны ему как в изустной передаче, так и по книгам, и он обрабатывал и включал их в свои крупные произведения или перерабатывал в отдельные новеллы. <...> Правя или переписывая рассказы заново, отец оставался верен источникам и не вносил изменений в рассказы – как по содержанию, так и по форме. <...> И после такой правки рассказы сохраняли свой

¹ См. переводы этих рассказов, выполненные Н. Файнгольдом в кн.: Ш.Й. Агнон. Рассказы. Иерусалим, 1985. С. 27-74, а также на сайте: <http://heblit.org/text.php?ge=prose&ac=sha&tc=sha01>

² См. перевод рассказа, выполненный И. Шамиром в кн.: Ш.Й. Агнон. Во цвете лет. М.: Панорама, 1996. С. 28-36; Ш.Й. Агнон. Новеллы. М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2014. С. 93-104, а также на сайте переводчика: <http://www.israelshamir.net/ru/agnon8.htm>

³ См. мою статью «У кого искать правды о хасидах» // Лехаим, № 8 (август) 2012, и на сайте журнала: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/244/kopelman.htm>, а также воспоминания Агнона о Бубере в кн. М.Бубер. Хасидские истории: Поздние учителя. М.-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2009. С. 299-321, и на моем сайте: <http://www.rjews.net/zoya-kopelman/articles/buber-agnon.html>

первозданный дух и стиль, в отличие от хасидских сказаний, которые он использовал при написании других своих книг и с которыми обращался весьма вольно»⁴.

Рассказ «Об одном камне» как раз и служит примером такого «весьма вольного» обращения Агнона с хасидскими историями. Агнон пишет его от первого лица, действие происходит в Бучаче, где он родился и жил до отъезда в Страну Израиля в 1908 году, и все приметы рассказчика указывают на автора рассказа.

Сюжет строится вокруг рукописей рабби Адама,⁵ упомянутого в книге «Шивхей Бешт»⁶. Фигура р. Адама всплывает там потому, что Бааль-Шем-Тов получил свои мистические знания из каббалистических рукописей, завещанных ему р. Адамом перед смертью.⁷ Впервые о р. Адаме в «Шивхей Бешт» говорится так:

«Слышал я от р. Шимона, раввина святой общины Рашкова, сына раввина из Полонного, рассказ о том, что жил один человек, и звали его рабби Адам, и от него достались Бешту рукописи. Как-то раз зашел [р. Адам] в пещеру и нашел там рукописи, а в них сокровенные тайны Торы» (Городецкий, с. 14).

Каким образом рукописи оказались у р. Адама, к жизнеописанию Бешта отношения не имело, и Агнон, чья антология «Рассказы о Бааль-Шем-Тове», особенно ее первый раздел «Родословие Бешта, его деяния и обычаи», воспроизводит многие фрагменты из «Шивхей Бешт», этот эпизод опустил. Агноновская антология о Беште почти дословно пересказывает историю о том, как рукописи попали к Бешту, но ничего не сообщает о том, что с ними сделал Бешт. А в «Шивхей Бешт» об этом рассказано подробно (цитирую по русскому переводу, где соответствующий фрагмент назван «О судьбе рукописей»):

«А те самые рукописи Бешт спрятал внутри одного камня в горах, ибо заклил он этот камень, и камень открылся, и вложил он туда упомянутые рукописи, и вновь закрылся, и оставил там некоего стража. И рассказывает раввин нашей общины, что слышал он, как Наставник святой общины Полонного в старости своей говаривал: “Есть у меня силы, чтобы извлечь эти рукописи из камня, ибо знаю я, где он находится, но поскольку Бешт спрятал их, то я не хочу их брать”. И говорил он, что Бешт был пятым, кому открывались эти рукописи, и говорил, что побывали они в руках у праотца нашего Авраама и в руках у Йеошуа Бин-Нуна, а об остальных не слышал»⁸.

Легко видеть, что в рассказе «Об одном камне» Агнон приписал р. Адаму деяние Бешта, словно писателя не волнует, что такая перестановка противоречит логике жизнеописания Бааль-Шем-Това. Ведь если бы р. Адам спрятал рукописи, как бы Бешт смог ими завладеть? Думаю, Агнон надеется, что часть его читателей вспомнит, что именно Бешт был связан с чудесным камнем. И вот почему.

⁴ Э. и Х. Ярон. Послесловие. В кн.: Ш.й. Агнон. Рассказы о Бааль-Шем-Тове. Пер. с иврита С. Гойзмана. М.: Книжники, 2011. С. 482, 499.

⁵ Г. Шолем считает фигуру р. Адама недостоверной, см.: Историческая фигура Бешта. В кн. Г. Шолем. *Дварим бе-го* (Сб-к статей и выступлений). Тель-Авив: Ам Овед, 1975. С. 287-324 (иврит).

⁶ *Сефер Шивхей а-Бешт*. Я пользуюсь изданием Ш.А. Городецкого: Берлин, 1922, которое воспроизводит издание 1821 года в Копысе (*иврит*).

⁷ Фрагмент «Рассказ о рукописях» в кн. Ш.й. Агнон. Рассказы о Бааль-Шем-Тове, с. 32-37.

⁸ Шивхей Бешт [Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову]. Пер. с иврита М. Кравцова. М.: Лехаим, Книжники. 2010. С. 92.

В рассказе «Об одном камне» автобиографический герой видит рукописи: «каждую букровку и каждое слово, и каждую строку и каждую страницу, и каждый лист». Однако он не может прочесть написанное, иначе говоря, не может воспользоваться магической силой текста, как им пользовались р. Адам и Бешт, а до них великие избранники в народе Израиля. Агнон объясняет эту неспособность тем, что содержание древних рукописей не принадлежит «корню его души». Это выражение заимствовано из жизнеописания Бешта, где сказано: «парень четырнадцати лет, Исраэль сын Элизера [т.е. Бешт] его зовут, и эти рукописи – его они, корень души его они»⁹. Так писатель проводит завуалированную параллель между героем рассказа и Бештом. Если принять, что герой рассказа «Об одном камне» списан с Агнона, получим, что писатель сопоставил себя с Бештом и отметил свое несходство с ним.

И намек на еще одну параллель с Бештом можно найти в рассказе «Об одном камне», и снова писатель приходит к выводу о неравенстве между великим цадиком и героем. Общеизвестно, что Бешт в молодости, до того, как открылся людям, уединялся в поросших лесом горах. Эти уединения (на иврите: *šitbodedut*) носили мистический характер: Бешт общался с высшими мирами. А в рассказе Агнон пишет об уединении героя ради творчества, но, в отличие от Бешта, герою не удается оградить себя от присутствия человека. Собственно, весь рассказ повествует о том, что герой, пусть он и пишет о выдающихся хасидах, не достигает их Божественной ступени. Про Бешта в «Шивхей Бешт» сказано, что, получив рукописи р. Адама, Бешт сумел ими воспользоваться, и слух об этом дошел до благочестивых еврейских отшельников:

«И проследовали они [благочестивые¹⁰] в его местечко, чтобы просить его прийти к ним в *город*. Бешт же провидел это заранее и выехал в *город*, а они двигались навстречу ему, и когда поравнялись с ним в *лесу*, то сошли на землю, соорудили кресло из лесных ветвей, усадили его на эти ветви и провозгласили своим учителем. И произнес Бешт перед ними слова Торы»¹¹.

Как видим, Бешт в лесу сообщил вопрошавшим его людям мистические откровения, а герой Агнона в лесу всего лишь указал страннику дорогу. Ясно, что значимость речей двух персонажей не сопоставима.

Еще одно сравнение себя с Бештом с акцентом на несходство с ним находим в письме Агнона, то есть вне его художественного творчества. Описывая свое состояние после пожара, когда в доме, где он жил в Баден-Гомбурге, в ночь с 5 на 6 июня 1921 года сгорела вся его библиотека, несколько тысяч томов, и рукописи собственных произведений, Агнон писал Шломо Залману Шокену:

⁹ Ш.И. Агнон. Рассказы о Бааль-Шем-Тове, с. 32.

¹⁰ В оригинале – *хасиды*; это прозвание употреблено в «Шивхей Бешт» при изложении событий, произошедших до того, как Бешт открылся миру, и до того, как возник хасидизм. Как пишет Г. Шолем, так называли себя группы еврейских отшельников, живших в Карпатах. (Г. Шолем. Историческая фигура Бешта. В кн. Г. Шолем. *Дварим бе-го* (Сб-к статей и выступлений). Тель-Авив: Ам Овед, 1975, с. 299 (иврит)).

¹¹ Шивхей Бешт [Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову], 2010. С. 90-91. Понятия «город» и «лес», которые я выделила к цитате, служат важной пространственно-духовной оппозицией в рассказе «Об одном камне», а в рассказе «В лесу и в городе» стали лейтмотивом. На иврите «город» и «лес» записываются одними и теми же буквами, но в разном порядке: *айн-йод-реш – ир*, т.е. город, и *йод-айн-реш – яар*, т.е. лес. В каббале подобные пары или группы слов рассматриваются специально и осмысляются как различающиеся сущности.

«Целыми днями я вижу горящие пергаменты и парящие буквы, и по ночам тоже беспокойно мое сердце. Рассказывают о Беште, благословенна его память, что однажды в *Симхат Тора* он плясал со свитком Торы в руках. Неожиданно передал свиток Торы в руки одного из своих учеников и сказал: «Теперь попляшем с духовной Торой!» И плясал сам с собою. Я достиг теперь такого состояния, когда со мной нет материальной Торы, то есть реальных книг, но что же мне делать, если я не удостоился ощущать в себе духовную Тору. И беда гложет меня в полный рот»¹².

Сопоставляя своего героя с Бештом, Агнон словно хочет подвести нас к выводу о том, что поставить знак равенства между ними никак невозможно. Однако общая судьба древних каббалистических рукописей р. Адама и листков, написанных героем рассказа, парадоксальным образом уравнивает принадлежащие им тексты. Камень, поглотивший сочинения героя, подобен здесь камню, державшему меч, извлечь который мог только Артур. И мне снова хочется подчеркнуть близость героя к его автору, ведь умение прочесть рукописи р. Адама герой хотел бы использовать для создания новых миров, то есть стал бы делать именно то, чем занимается писатель, творящий художественные миры своих произведений.

Арье Вайнман, опубликовавший заметки о связях некоторых рассказов Агнона с текстами еврейской традиции¹³, привлек мое внимание к библейскому рассказу о сне Якова, хотя я вижу роль этого сюжета в агноновском рассказе иначе. В Торе сказано:

«И пришел [Яков] в одно место, и ночевал там, ибо зашло солнце. И взял из камней того места, и сделал изголовьем себе, и лег на том месте. [Далее следует описание известного сна Якова.] И встал Яков рано утром, и взял камень, что сделал себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на его вершину» (Берешит / Бытие, 28:11, 18).

Мудрецы задаются вопросом: почему сначала говорится о многих камнях, а потом – об одном камне? Талмуд отвечает: «Сказал р. Ицхак: это нас учит, что собрались все камни в одно место, и каждый из них говорил: «Пусть этот праведник положит свою голову на меня, и вот – все они поглотились одним» (Хулин, 91б).

Мы имеем три источника с разными сведениями о камнях. Тора рассказывает о камне, примечательном тем, что покоящейся на нем голове праотца Якова был виден путь на Небеса. Талмуд сообщает о говорящих и перемещающихся камнях, а хасидская история – о том, что всякий, кто умел извлечь из камня рукописи, включая праотца Авраама, мог уходить в высшие миры. Иначе говоря, в Торе и в «Шивхей Бешт» обрисованы камни, наделяющие человека способностью выйти за пределы земного материального мира. Не потому ли и в рассказе «Об одном камне» с камнями происходит чудесная метаморфоза: поначалу они воспринимались героем как камни преткновения, но потом, когда его рукопись поглотил камень и он понял, что принадлежит к избранникам, дорожные камни показались ему милы и даже созвучны, хотя переговаривались на своем языке.

¹² Ш.Й. Агнон – Ш.З. Шокен, переписка (1916-1959). Иерусалим – Тель-Авив: Шокен, 1991. Письмо от 30.10.1922, с. 154 (*иврит*).

¹³ А. Вайнман. *Агада ве-оманут* (Предание и искусство: наблюдения над произведениями Агнона). Иерусалим: Реувен Мас, 1982. С. 31-33 (*иврит*).